

Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ ¹⁾).

(Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 года по 30 іюля 1905 года).

11-го марта.

Въ этими думами и съ этой новостью я отправился къ генералу Симонову. Оказывается, онъ уже зналъ все это. Генераль Симоновъ собирался самъ ѣхать къ семьѣ въ Кокчетавъ, чтобы тамъ провести Пасху и ждать распоряженій о посадкѣ. Николай Алексѣевичъ охотно благословилъ и меня съ той же цѣлю съѣздить въ Петербургъ. Будучи въ Петербургѣ, я могъ всегда точно узнать время отправленій дивизій и своевременно вернуться въ Омскъ. Такимъ образомъ, была рѣшена и моя поѣздка въ Петербургъ, а пока что сегодня въ Омскъ...

12-го марта Омскъ.

Утромъ являлся къ командующему войсками генералу Сухотину. Съ какимъ вниманіемъ онъ слушалъ мой докладъ о занятіяхъ съ офицерами въ Кокчетавѣ и Петропавловскѣ. Видно было, что генераль Сухотинъ готовъ былъ бы самъ поработать съ офицерами, передать имъ свои завѣты, полные энтузіазма и неодолимой энергіи... У меня до сихъ поръ звучать въ сердцѣ его слова: „не съ кѣмъ работать, не съ кѣмъ работать“. Да, дѣла много здѣсь, а работниковъ, подготовленныхъ исполнителей въ духѣ и направленіи генерала Сухотина, вообще, немного: на всѣ дѣла ихъ далеко хватить не можетъ. Генерала Сухотина чрезвычайно обрадовало мое заявленіе о поразительномъ вниманіи, усердіи и той

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1911 года.

охотѣ, съ которою всѣ офицеры отнеслись къ этимъ занятіямъ. Докладъ этотъ длился болѣе часа.

Вернувшись въ штабъ, нашелъ пакетъ съ планами перевозки полковъ дивизіи. Наконецъ-то, вопросъ этотъ разрѣшился, хотя и не въ смыслѣ быстроты. Штабъ дивизіи садится 9 апрѣля въ 4 ч. и 20 минутъ дня. Ждать еще долго... Передавъ дѣла старшимъ адъютантамъ, я отправился домой, гдѣ и пишу эти строчки.

Передъ отъѣздомъ въ Кокчетавъ капитанъ Марушевскій и я переселились въ отведенную квартиру въ городѣ въ домъ Лимонова (на берегу р. Оми) и заняли здѣсь одну комнату. Удобствъ здѣсь было мало, но хорошо уже было то, что мы избавились отъ этого безобразнаго строя и условій жизни гостиницы Зайцева. Поѣздъ идетъ ночью, сборы мои невелики, поэтому рѣшилъ пойти подѣлиться своею радостью къ Романовымъ и къ генералу Гершельману... И такъ ѣду домой въ Петербургъ... въ это время слѣдовало подъѣзжать къ Ляояну.

10-го марта Канскъ.

Мы подъѣзжаемъ къ Канску. Событія и впечатлѣнія послѣднихъ дней не легко привести въ порядокъ. Спѣшки и суеты было порядочно. Все 7 и 8-го апрѣля (я вернулся въ Омскъ въ ночь на 7-е апрѣля) пришлось посвятить очищенію штаба отъ ненужнаго хлама и бумажной переписки, которой за два мѣсяца набралось великое количество. 9-го апрѣля утромъ собрали все имущество, берущееся въ походъ, въ обозномъ сараѣ штаба дивизіи во дворѣ станичнаго правленія города Омска. До 2 часовъ дня возились съ окончательной укладкой и увязкой нашихъ повозокъ съ имуществомъ. На станцію отправили на мѣсяць пути запасъ овса и сѣна и нагрузили ими почти два вагона. Эта предусмотрительность относительно запаса фуража была принята не только въ штабѣ дивизіи, но и во всѣхъ сотняхъ полковъ дивизіи. Около трехъ часовъ дня конвой, обозъ, писаря и вся казенная прислуга съ заводными лошадьми построилась на площадкѣ у станичнаго правленія. Прибылъ и командующій дивизіей, произведенный на Пасху въ генераль-лейтенанты и утвержденный въ должности начальника дивизіи. Былъ, конечно, и фотографъ. Перекрестились казаки, снявши шапки; въ торжественной тишинѣ прочитали „Отче Нашъ“ и „Спаси Господи“... Пожелавъ всему составу штаба добраго здоровья на все время похода, я поздравилъ ихъ съ походомъ, а затѣмъ скомандовалъ „шагомъ маршъ“...

Двинулись на первый разъ довольно нестройно: видимо обозные не освоились еще со своей ролью и чистоты въ движеніи не было. Пришлось пропустить два раза нашу колонну, чтобы наладить этотъ

порядокъ. У обознаго казака Федорова вырвались двѣ лошади и произошелъ безпорядокъ: повозки остановились, за лошадьми поскакали казаки. Далѣе уже шли до станціи въ полномъ порядкѣ. Пріятно было видѣть весь составъ штаба верхами, пѣшаго не было ни одного казака. Казенная прислуга только оказалась обремененною заводными лошадьми. У большинства было три лошади, кромѣ своей. Кромѣ того, мы вели съ собою десять лошадей для дивизіи генерала Ренненкампа, купленныхъ по его просьбѣ.

Посадка производилась у продовольственнаго пункта ст. Омскъ. Съ четырехъ часовъ дня до семи часовъ десять минутъ вечера тянулась погрузка штаба дивизіи въ вагоны и на платформы. Тутъ оказалась наша безпомощность. Надо было держать 116 лошадей, устраивать мостики для ввода лошадей въ вагоны, втаскивать груженые повозки и экипажи (у меня такового не было) на платформы, грузить запасы фуража (два вагона),—а казаковъ въ штабѣ дивизіи, считая рѣшительно всѣхъ, 63 человекъ. Вся тяжесть посадки происходила вслѣдствіе того, что грузиться приходилось прямо съ земли; готовыхъ платформъ на ст. Омскъ не имѣется вовсе и это великое неудобство. Казаки выбивались изъ силъ, а погрузка все же шла медленно, да и подвижной составъ подали поздно. Какъ бы то ни было, мы были готовы къ сроку и безъ этихъ платформъ и безъ помощи желѣзнодорожныхъ командъ рабочихъ.

Казаки простились со своими родными и близкими; слезы и вздохи оросили многія изъ этихъ загорѣлыхъ лицъ и заставили высоко подняться ни одну изъ этихъ могучихъ грудей... Намъ тихо подали къ вокзалу пассажирской станціи.

На пассажирской станціи насъ ждалъ уже молебенъ. Генералы Сухотинъ, Симоновъ, Гершельманъ, масса родныхъ, знакомыхъ, офицеровъ и чиновъ окружныхъ управленій и городскихъ учрежденій съ губернаторомъ генераломъ Романовымъ во главѣ были здѣсь. Стояли и питомцы школы Сиб. казачьяго войска со всѣми чинами Управленія и 2 Отдѣла во главѣ съ генералами Катанаевымъ, Шайтановымъ, полковникомъ Н. Г. Путинцевымъ и др. Народу было такъ много, что вокзалъ и его пассажирская платформа не могли вмѣстить всѣхъ; многіе сидѣли на крышѣ вокзала и на крышахъ близъ стоявшихъ вагоновъ.

Торжественный молебенъ съ окропленіемъ святою водою, благословеніе генерала Симонова Св. Иконою Смоленской Божьей Матери, при чемъ икону эту подносилъ ученикъ пансіона, благословеніе генерала Симонова складнемъ, напутствіе генераломъ Сухотинымъ и генераломъ Катанаевымъ, короткое прощаніе среди звонковъ и свистковъ... и поѣздъ тихо тронулся подъ звуки оркестра музыки и

громкаго „ура“ публики. Доносились еще звуки музыки, доносилось „ура“, отдѣльныя восклицанія добрыхъ пожеланій, виднѣлись шапки и платки еще въ рукахъ сливавшейся въ общую массу толпы, а поѣздъ уносилъ насъ дальше и дальше... куда-то далеко, въ невѣдомое пространство, отрывая насъ отъ тѣхъ, съ кѣмъ сердца наши еще такъ недавно бились съ такимъ сильнымъ чувствомъ близости.

Я усталъ отъ суеты этого дня, усталъ отъ массы сильныхъ ощущеній и, казалось, радъ былъ этой наступившей тишинѣ... Равномѣрный шумъ поѣзда успокаивалъ нервы, отгонялъ мысли; невольно хотѣлось отдыха... Размѣстились мы въ вагонѣ отлично. Для офицеровъ цѣлыхъ два вагона. Почти у каждаго по цѣлому большому купѣ; только ординарцы да младшіе чины помѣщены въ купѣ по двое. Вотъ составъ Штаба Сибирской казачьей дивизіи:

- 1) Начальникъ дивизіи—ген.-лейт. Симоновъ Николай Алексѣевичъ.
- 2) Начальникъ Штаба—Генер. Штаба полковникъ Даниловъ Георгій Алексѣевичъ.
- 3) Старшій адъютантъ по строевой части—Ген. Штаба подполковникъ Посоховъ Андрей Андреевичъ.
- 4) Старшій адъютантъ по хозяйственной части—есауль Третьяковъ Николай Васильевичъ.
- 5) Прикомандированный къ Штабу—(причисленный къ Ген. Шт.) 5 Сиб. каз. п. есауль Егоровъ Александръ Ивановичъ.
- 6) Ординарцы начальника дивизіи: сотникъ Пузереvскій Николай Николаевичъ. Хорунжій Зарубаевъ Владиміръ Николаевичъ.
- 7) Дивизионный врачъ—надв. сов. Филишовскій Николай Михайловичъ.
- 8) Дивизионный интендантъ—полковникъ Путинцевъ Иванъ Флегонтовичъ.
- 9) Дѣлопроизводитель его — кол. ассесоръ Шарановъ.
- 10) Дивизионный контролеръ—надв. сов. Левинъ Михаилъ Витальевичъ.
- 11) Начальникъ конвоя—хорунжій Путинцевъ Георгій Николаевичъ.

На станціи Канскъ стоимъ 7 часовъ. Такая продолжительная остановка показываетъ мнѣ на неправильное оборудованіе станцій и всего пути. Вѣдь это болѣе четверти сутокъ мы стоимъ непроизводительно; можно было бы двѣсти верстъ сдѣлать за это время; станція простая, не узловая; все значеніе ея заключается въ томъ, что здѣсь оборудованъ продовольственный пунктъ, около котораго и стоитъ нашъ эшелонъ; но на обѣдъ и часа времени слишкомъ достаточно. Ходилъ смотрѣть, какъ казаки обѣдаютъ и знакомятся съ порядками продовольственнаго пункта. На обѣдъ дали щи съ мясомъ и ячневую кашу. Щи приготовлены вкусно, порціи на мой взглядъ золотниковъ 40 (къ сожалѣнію, не свѣшалъ); каша суховата. Кухня содержится достаточно чисто; свѣтлая и просторная, столовая тоже; столы и полъ только были грязны. Видимо за этимъ дѣломъ хорошаго надзора нѣтъ и на казаковъ, чувство брезгливости

у которыхъ развито сильнѣе, чѣмъ у нашего крестьянина, это не могло пройти незамѣченнымъ. На 10 человекъ давали одну миску; ѣсть было неудобно, ибо крайнимъ приходилось тянуться далеко; слѣдовало давать одну миску на 5—6 человекъ. Казаки ѣли охотно не всѣ; щи и мясо одолѣли еще, а отъ каши отказались многіе. Одинъ въ шутку сказалъ мнѣ: „съ такой порціей онъ двухъ японцевъ зарубить сразу“. Четверо на обѣдъ не пошли вовсе.

Продолжительной остановкой воспользовались для выводки лошадей.—Лошади всѣ были веселы и нагулялись вдоволь. При вагонахъ оказалось всего лишь двое сходенъ для лошадей на весь эшелонъ; очень мало. При такой скудости, конечно, надо имѣть 3—4 часа времени на выводку лошадей, но, повторяю, это явленіе должно быть отнесено къ числу незаконныхъ; при иномъ отношеніи къ этому дѣлу въ два часа времени и пообѣдать можно и выводку можно сдѣлать. Наконецъ, и самая необходимость пользоваться сходнями для лошадей свидѣлствуютъ только о полной неподготовленности пути для военныхъ перевозокъ. Для лошадей эти сходни такое „препятствіе“, которое не всякая изъ нихъ возьметъ... Но казаки молодцы: видить, что конь уперся, мигомъ сидитъ уже верхомъ, и тогда конь смѣло и рѣшительно входитъ въ вагонъ. Благодаря этимъ сходнямъ былъ случай, что конь, поставившій уже переднія ноги въ вагонъ, сталъ отъ испуга пятиться назадъ, оступился задними ногами на краю и, конечно, полетѣлъ... Хорошо, что счастливо все обошлось: коняка вскочилъ, удивленно поглядѣлъ на все окружающее и былъ одобрительно привѣтствованъ всѣми здѣсь бывшими казаками. Во всякомъ случаѣ безъ готовыхъ платформъ на такихъ станціяхъ можно нажить большихъ бѣдъ, а главное, жаль времени, безконечно жаль. Дивизія идетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 5 и 8 полки, штабъ дивизіи, 7 и 4 полки.

11-го апрѣля ст. Чулымъ.

Стоимъ 4 часа. Эти продолжительныя остановки начинаютъ изводить: на развѣздахъ стоимъ, на станціяхъ стоимъ; словомъ, не торопимся. Дѣлали опять выводку лошадей. Это дѣло полезное, и мы приняли за правило дѣлать выводку каждый день, благо обстоятельства этому помогаютъ.

Нашъ эшелонъ догнала первая сотня 7 полка (есаула Панкова). Ген. Симоновъ вышелъ и поздоровался съ сотней, которая выстроилась въ пѣшемъ строю передъ вагонами. Затѣмъ казаки затѣяли пѣсни и пляски. Казачьи пѣсни совершенно непохожи на пѣхотныя и манерой и своею мелодичностью, не говоря уже про содержаніе. Въ этихъ пѣсняхъ можно прослѣдить всю трехсотлѣтнюю исторію

Сибирскаго войска, и каждая изъ нихъ сложена въ память какого-либо историческаго событія жизни войска. Здѣсь я впервые услышалъ пѣсню про Ермака Тимоѣева; я весь отдался опять думамъ и чувствамъ, которыя невольно захватывали меня при этихъ звукахъ пѣсни, которую пѣли болѣе 150 потомковъ Ермака. Я записалъ эту пѣсню со словъ казаковъ.

Пѣснь про Ермака Тимоѣева:

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
 Во мракѣ молніи летали,
 Безпрерывно громъ гремѣлъ
 И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
 Ко славѣ страстию дыша,
 Въ странѣ суровой и угрюмой,
 На дикомъ брегѣ Иртыша
 Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.
 Товарищи его трудовъ,
 Побѣдъ и громозвучной славы,
 Среди раскинутыхъ шатровъ
 Безпечно спали средь дубравы.
 О, спите, спите, мнилъ герой,
 Друзья, подъ бурею ревущей!
 Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
 На славу, иль на смерть зовущій!
 Вамъ нуженъ отдыхъ: сладкій сонъ
 И въ бурю храбрыхъ успокоитъ;
 Въ мечтахъ напомнить славу онъ
 И силу ратниковъ удвоитъ.
 Кто жизни не щадилъ своей
 Въ разбояхъ, злато добывая,
 Тотъ думать будетъ ли о ней,
 За Русь Святую погибая?
 Своей и вражьей кровью смывъ
 Всѣ преступленья буйной жизни,
 И за побѣды заслужилъ
 Благословенія отчизны...
 Намъ смерть не можетъ быть страшна,
 Свое мы дѣло совершили:
 Сибирь Царю покорена,
 И мы не праздно въ мірѣ жили!

Но роковой его удѣлъ
 Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ,
 И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
 На жертву любопытнымъ взглядомъ.
 Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
 Во мракѣ молніи летали,
 Безпрерывно громъ гремѣлъ
 И вѣтры въ дебряхъ бушевали.
 Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ берегахъ,
 Вдвигались сѣдя волны
 И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
 Бія о брегъ казачьи челны.
 Съ вождемъ покой въ объятыхъ сна
 Дружина храбрая вкушала;
 Съ Кучумомъ буря лишь одна
 На ихъ погибель не дремала;
 Страшась вступить съ героемъ въ бой,
 Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
 Прокрался тайною тропой,
 Татаръ толпами окруженный;
 Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ...
 И окровавилась долина:
 И пала грозная въ бояхъ,
 Не обнаживъ меча, дружина...
 Ермакъ воспрянулъ ото сна
 И, гибель зря, стремится въ волны,
 Душа отвагою полна,
 Но далеко отъ берега челны...
 Иртышъ волнуется сильнѣй,
 Ермакъ всѣ силы напрягаетъ
 И мощною рукой своей
 Волны сѣдя разсѣкаетъ...
 Плыветъ... ужъ близко челнока,
 Но сила року уступила
 И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
 Героя съ шумомъ поглотила.

Въ пляскѣ особенно хорошъ былъ казакъ Михаилъ Ширяевъ. Самъ приземистый, съ густой бородой, съ темнымъ загорѣлымъ лицомъ, съ блестящими маленькими глазами, папаха на затылокъ, онъ производилъ сильное впечатлѣніе своей неподдающейся описанію мимикой и всей фигурой, поставленной на сравнительно тонкія съ

маленькими ступнями ноги. Какіе только выкрутасы онъ не откалывалъ въ порывѣ своего вдохновенія... миѣ и теперь кажется, что передъ моими глазами и ходить, и вертится, и присѣдаетъ Ширяевъ... Дали ему награду. Вечеромъ казаки пѣли молитву, произведена была повѣрка, какъ полагается на зорѣ. Тихій вечеръ, стройное пѣніе казаковъ, окружающая необычная обстановка, все придавало зорѣ какую-то особенную торжественность и на всѣхъ она производила глубокое впечатлѣніе. Въ пути наши порядки внутренней жизни пока ничѣмъ не отличались отъ обычной жизни строевыхъ частей.

Г. А. Даниловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

